

бакалаврская программа «Мировая политика»

итоговое экзаменационное эссе

**Ипостась империи: Синьцзян как болевая точка Китая.
Анализ политики управления регионом**

дисциплина: **MSS6001 Политическая этика**

студент(ка): Никитин Максим

курс: IV курс

объём: 1860 слов

Содержание

<i>Введение</i>	3
<i>Исторический аспект: миф о неотъемлемой части Синьцзяна</i>	4
<i>Прошлое в прошлом? Имперские отголоски Китая</i>	5
<i>Анализ политики</i>	7
<i>Заключение</i>	9
<i>Библиография</i>	10

Введение

На протяжении двух десятилетий Коммунистическая партия Китая (КПК) ведёт «войну против терроризма»¹ — политику, объявленную против граждан своей же страны, а именно мусульманского населения (доминирующее большинство территории — уйгуры) Синьцзян-Уйгурского автономного региона (СУАР). Территория, на которой проживают уйгуры, имеет огромное политическое, экономическое и демографическое значение для правительства Пекина. Этот регион — крупный логистический центр экономической инициативы КПК «Один пояс — один путь», которая в свою очередь является одной из проекций возрастающей мощи Китая как нового мирового лидера, активно влияющего на политический ландшафт. Не будет преувеличением сказать, что этническая политика по отношению к Синьцзяну — острая проблема для Пекина, «болевая точка», к которой центральные власти применяют спектр различных авторитарных практик, встраивая «детализированное биополитическое вмешательство»² в жизнь населения.

С возрастающей мощью государства власти идеологическим аппаратом распространяют и укореняют идею о Китае как об «исключительной, не западной и нерушимой цивилизации с 5000-летней историей»³. Цивилизация, которая на сегодняшний момент насчитывает 56 этнических групп [民族, *minzu*] и сотни диалектов. При этом группа Хань — самый крупный этнос, идентичность которой партийно-государственный проект артикулирует как «великую идентичность»⁴. Конstellация порождает конкурирующую логику имперской цивилизации и современного национального государства, в рамках которой выстраивается напряжённость в оппозиции включения меньшинств в нацию и исключением некитайских «варваров»⁵.

Под влиянием исторической травмы событий «века национального унижения» (1839–1949гг.) сепаратизм стал экзистенциальной угрозой коллективному выживанию современного китайского государства⁶. Это создаёт аргументы о том, что «национальное единство» [民族团结, *minzu tuanjie*] и полный суверенитет считаются необходимыми для коллективного

¹ Примером официального дискурса может послужить: “Combating terrorism, we have no choice”. – People’s Daily, December 18, 2003. URL: http://en.people.cn/200312/18/eng20031218_130652.shtml# (дата обращения: 06.01.2022)

² Митчелл Д. Правительственность: власть и правление в современных обществах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016 С. 353

³ Tobin D. Securing China’s northwest frontier: identity and insecurity in Xinjiang. Cambridge University Press, 2020. Pp. 4 – 5

⁴ Ibid. P. 4

⁵ Ibid. P. 33

⁶ Ibid. P. 114

выживания государства против враждебных сил. Жители СУАР воображаются КПК как коллективно «Другой», несущий в себе угрозу и требующий «перевоспитания».

В академическом и международном медийном пространствах распространяются тезисы применяемых властями практик — «внутреннего колониализма»⁷ или «культурного геноцида»⁸, цель которого — стирание групповой идентичности и культурных маркеров уйгуров. Это подводит нас к исследовательским вопросам работы, которые можно выразить следующим образом: можно ли считать современный Китай — постколониальной империей? Возможно ли утверждение о том, что Пекин осуществляет колониальные практики по отношению к населению СУАР? В контексте этого будет рассмотрено развитие культурного управления анализируемой территории.

В начале работы будет дан небольшой исторический анализ интеграции территории СУАР в состав Китая, поскольку власти Китая используют особого рода апелляцию к тысячелетней единой территории. В следующем разделе будет дана операционализация империи и рассмотрена возможность причисления современного Китая к статусу постколониальной империи. В заключительном разделе этого эссе будет проанализирована политика Пекина по отношению к СУАР и продемонстрировано, что в регионе применяются колониальные практики управления. Теоретическая рамка этого эссе состоит из конструктивистской теории национализма и теории «правительности» Митчелла.

Исторический аспект: миф о неотъемлемой части Синьцзяна

Освещение всей политической истории региона — не цель работы, в нашем случае необходимо сфокусироваться именно на включении Синьцзяна в состав государства.

Каждый текст, касающийся Синьцзяна, опубликованный в Китае с 1959 года, начинается с утверждения, что «Синьцзян с древних времен был неотъемлемой частью Китая»⁹, а в некоторых текстах констатируется, что эти отношения насчитывают пять тысяч лет¹⁰. Тем не менее эти утверждения можно опровергнуть. Впервые территория СУАР была включена в состав Цинского Китая **в 1880-е годы** в результате завоевания, точнее карательной операции¹¹. Именно тогда территории было дано наименование 新疆 [*Xinjiang*, или "Новая граница"]. Здесь сразу стоит подчеркнуть символическое различие в названии: большинство уйгуров сознательно не принимают это название из-за его колониального подтекста; они

⁷ Anand D. Colonization with Chinese characteristics: politics of (in)security in Xinjiang and Tibet // *Central Asian Survey*, 38 №1, 2019

⁸ Roberts S.R. *The War on the Uyghurs: China's Internal Campaign against a Muslim Minority*. Princeton University Press, 2020. P.10

⁹ Bovingdon D. *The Uyghurs: strangers in their own land*. Columbia University Press, 2010. P. 75

¹⁰ Ibid. P. 75 – 76

¹¹ Roberts S.R. Op. cit. P. 26

придерживаются названия Shārqi Turkistan [Восточный Туркестан], что подчеркивает коренную природу его тюркского населения. Другие уйгуры в Китае предпочитают использовать Uyghur Diyari [Уйгурский регион], чтобы избежать именованя "Синьцзяна"¹².

До победы КПК над Гоминьдан в 1949 году Синьцзян оставался в значительной степени вне досягаемости от центральной власти, и как раз после победы и учреждения КНР, Синьцзян окончательно вошёл в состав республики. В 1955 году был образован СУАР. Вторая половина двадцатого века ознаменовалась государственным экономическим развитием и демографическими преобразованиями Синьцзяна с массовой миграцией ханьцев.

Китайское государство переосмысливает, воображает Китай как 5000-летнюю, непрерывную, единственную цивилизацию. Уместно здесь вспомнить слова Б.Андерсона, что империи пытаются ассимилировать население в одной господствующей культуре, идентичности, или "натянуть короткую, тугую кожу нации на гигантское тело империи"¹³, китайская же национальная идентичность возникает в результате социальных процессов, которые наполняют группы убеждениями в том, что они естественным и вечным образом связаны. Территориальные и культурные границы наций представляют собой политические претензии, которые стремятся определить границы политической идентичности¹⁴. Этническое большинство, в нашем случае ханьцы, часто использует ресурсы государства в попытках культурно преобразовать меньшинства в рамках существующих национальных границ и сделать их соответствующими культуре большинства¹⁵.

Однако когда становится понятно, что миф о единой цивилизации, формулировки идентичности противоречат общепринятым границам, как это происходит в Синьцзяне, можно ожидать решительных действий со стороны этнических групп, направленных на сохранение границ, которые, по их мнению, отражают их собственную идентичность. Центральные власти различными регистрами управления стремятся стереть и гомогенизировать эти границы, о чём и речь пойдет далее.

Прошлое в прошлом? Имперские отголоски Китая

Перед тем, как перейти к рассмотрению политики управления по отношению к анализируемой территории, и понять, действительно ли Синьцзян — это колония, и к его населению применяются колониальные практики, нам стоит уточнить оперируемое понятия

¹² Roberts S.R. Op. cit. P. 26

¹³ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Verso, 2006. P. 86

¹⁴ Brubaker R. Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism / Hall J. The State of the Nation. Cambridge University Press, 1998. P. 278

¹⁵ Ibid. Pp. 278 – 279

империи и дать ответ — возможно ли присвоению современному Китаю статуса постколониальной империи.

Доминик Ливен отмечает, что современный Китай с некоторыми допущениями можно отнести к статусу империи, поскольку «Китай сохраняет самый главный признак империи — потенциал стать мировой державой»¹⁶ — у китайских элит прочно укоренена убежденность в мировом значении Китая. Более того, империи допускают многоэтническое разнообразие, институционализацию различных идентичностей, но под предлогом, «зонтиком» общей абсолютно для всех имперской идентичности¹⁷. В нашем же случае, под «зонтиком» общей социалистической идентичности.

Принято считать, что именно империи занимаются легитимацией колониальных практик. В основе этих практик лежит расизм¹⁸. Китай, представляется, уникальным случаем, поскольку в рамках его управления идёт сочетание рыночно ориентированных отношений с вмешательствами в личную интимную жизнь своего населения в нелиберальном стиле. Дин Митчелл, который реконструирует тезисы Мишеля Фуко, отмечает, что такая конструкция управления нужна для того, чтобы «добиться такого качества и количества населения, которое необходимо для социалистического плана»¹⁹. Мне кажется, что вполне желанным и осозанным для Китая видится имперская ипостась. И здесь же важно дополнить, что при имперском регистре управления устанавливается классическая дилемма колониальных (имперских) держав, которая заключается в попытке "цивилизовать" колонизированных и сделать их более похожими на себя, одновременно никогда не принимая их как равных²⁰.

Хоть и СУАР обладает статусом «автономного региона», однако такое расположение можно назвать спорадическим, вряд ли такой статус действительно может рассматриваться в качестве содержательного. Как было отмечено ранее, Китай чувствует историческую травму «унижения» и рассматривает внутренние распри и сепаратизм как экзистенциальную угрозу, что может подталкивать к дисциплинарному способу управления. Соглашаясь с тем, что Китай можно считать империей, мы можем перейти и к рассмотрению колониальных практик.

¹⁶ Ливен Д. Империя, история и мировой порядок / Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. Мифы и заблуждения в изучении национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 311

¹⁷ Уолцер М. О терпимости. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 29 – 33

¹⁸ Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М.: КДУ, 2005. С. 173

¹⁹ Митчелл Д. Указ. соч. С. 352

²⁰ Roberts S.R. Op. cit. P. 39

Анализ политики

КПК стремится добиться «национального единства» [民族团结] с однородной культурой. С 1990-х годов партия начала активную имплементацию такой политики в регионе: строгий контроль за образованием, религиозными практиками, разрушение мечетей (из-за "негативного эффекта")²¹. Эти действия «подогревали» недовольства уйгуров. На протяжении 1990-х годов можно найти примеры как ненасильственных протестов, так и беспорядков, взрывов²². КПК организовывала и продолжает депортации уйгурского населения и поощрение переселенцев из других провинций (в особенности ханьцев) в регион. После событий 9/11 в Америке в 2001 году и объявления «мировой войны против терроризма», КПК использовала этот дискурс «терроризма» и вошла в эту войну против мусульманского населения СУАР. После этого началось постепенное ужесточение политики управления регионом.

Сам колониализм связан с процессом, когда один народ претендует на моральное право и ответственность править и управлять другими народами: «Колония — это новая политическая организация, созданная путем вторжения, в то время как имперский центр «претендует на исключительные права»²³. Отношения Пекина с Синьцзяном возможно понимать как колониальный императив не только с точки зрения насилия по отношению к его населению, но и «патернализма и использования развития в качестве механизма контроля»²⁴. В регионе проводится систематическая кампания по переписыванию культурного наследия СУАР: КПК стремится устранить любые исламские элементы, чтобы сделать культурные традиции коренных народов подчинёнными "китайской нации". В связи с этим, по данным Австралийского института стратегической политики (ASPI), в регионе наблюдается массовый снос мечетей, религиозно-культурных объектов, а именно святынь, кладбищ и паломнических маршрутов. Так, с 2017 года 16 000 мечетей в СУАР (65% от общего числа) были разрушены или повреждены в результате государственной политики Пекина²⁵. Другие акты культурного политики, например, включают запрет называть детей "Мухаммад", "Арафат" и "Джихад"²⁶,

²¹ Roberts S.R. Op. cit. P. 67

²² Bovington G. Op. cit. P. 5

²³ Anand D. Op. cit. Pp. 135 – 136

²⁴ Ibid. P. 130

²⁵ Ruser N. Cultural erasure: Tracing the destruction of Uyghur and Islamic spaces in Xinjiang // ASPI, Report №38, 2020. P.3

²⁶ Hernández J. C. China Bans 'Muhammad' and 'Jihad' as Baby Names in Heavily Muslim Region // The New York Times, 25.04.2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/25/world/asia/china-xinjiang-ban-muslim-names-muhammad-jihad.html> (accessed: 08.01.2022)

детям входить в мечети²⁷ и поститься во время Рамадана²⁸. Мусульманским мужчинам запрещено отращивать “ненормально” длинные бороды²⁹, в то время как мусульманские женщины не могут носить паранджу на публике³⁰. Справедливо заключить, что происходит перестройка культурной и социальной жизни путём изменения и стирания элементов культурного наследия уйгуров.

Стоит отметить и изменения в языковой политике, поскольку язык — один из важных факторов в определении сообществ/нации^{31,32}. Традиционно местное население СУАР использовало тюркский язык в ежедневных практиках. Однако КПК стремится искоренить тюркский язык из обихода: КПК наращивает усилия по продвижению образования на стандартизированном виде китайского языка (普通话, Путунхуа, или «Мандарин») .В последнее время власти Синьцзяна вводят обучение только на китайском языке. Примечательна официальная риторика на этот счёт: Мемтимин Убул, заместитель секретаря КПК в Кашгаре, заявил, что уйгуры должны говорить только по-китайски, так как это позволит им «свободно вести благословенную современную цивилизованную жизнь под ясным небом»³³, открыло бы им путь к работе в китайской экономике и так уйгуры “наконец освободятся от оков религии”³⁴, которая якобы подпитывает экстремизм.

Как было отмечено выше, колонизатор стремится установить патерналистский контроль за своей колонией, но более того, полностью «перевоспитать», приобщить людей территории к единой доминантной культуре. Самый шумевшим и жестоким проявлением биополитики КПК в Синьцзяне стали лагеря «перевоспитания» [教育转化中心], которые созданы с целью осуществления «де-экстремизации»³⁵. С 2017 года ASPI выявил 380 центров содержания под стражей, созданных по всему региону, и значительные инвестиции в строительство новых мест содержания под стражей продолжались в течение 2019 и 2020 годов³⁶. За последние три года в этих лагерях содержалось до миллиона уйгуров и

²⁷ China Bans Officials, State Employees, Children from Mosques // Radio Free Asia, 06.02.2006. URL: https://www.rfa.org/english/uyghur/uyghur_religion-20060206.html (accessed: 08.01.2022)

²⁸ China bans Muslims from fasting Ramadan in Xinjiang // Aljazeera, 18.06.2015. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2015/06/18/china-bans-muslims-from-fasting-ramadan-in-xinjiang/> (accessed: 08.01.2022)

²⁹ Smith S. China Bans Veils and 'Abnormal' Beards in Western Province of Xinjiang // NBC News, 01.04.2017. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/china-bans-veils-abnormal-beards-western-province-xinjiang-n741501> (accessed: 08.01.2022)

³⁰ Ibid.

³¹ Anderson B. Op. cit. Pp. 44 – 46

³² Castells M. The Power of Identity. Blackwell Publishing, 2010. Pp. 51 – 55

³³ Byler D. The ‘patriotism’ of not speaking Uyghur // SupChina, 02.01.2019. URL: <https://supchina.com/2019/01/02/the-patriotism-of-not-speaking-uyghur/> (accessed: 08.01.2022)

³⁴ Ibid.

³⁵ Zenz A. Thoroughly reforming them towards a healthy heart attitude’: China’s political re-education campaign in Xinjiang // Central Asian Survey, 2019, №38 (1). P. 4

³⁶ Ruser N. Documenting Xinjiang’s detention system // ASPI, 2020. P.3

представителей других меньшинств. В лагерях уйгуры проходят организованную идеологическую подготовку, принудительное изучение китайского языка, подвергаются постоянному надзору, им запрещено исповедовать ислам, их также заставляют петь китайский национальный гимн и получать "патриотическое воспитание"³⁷.

Пекин выделил уйгуров как принципиально отличающихся и уступающих доминирующему ханьскому населению. Регион был поглощен политикой колониальной державы и заселён доминирующим населением колонизаторов. Это происходит потому, что китайское государство не стремится признавать уйгуров коренным населением своей родины. Поскольку колонисты «склонны осуществлять перемещение/выселение коренных народов, с которыми они сталкиваются»³⁸.

Заключение

С момента объявления КПК своей собственной «войны с терроризмом» после 11 сентября до июля 2009 года в Синьцзяне были одни из самых низких показателей по случаям насилия и беспорядков, чем в любом регионе Китая, но насилие, совершаемое уйгурами, всегда представлялось как экзистенциальная угроза всей государственной системе и «национальному единству»³⁹.

В этой работе мною были подняты вопросы о возможном причислении современного Китая к статусу постколониальной империи, и в этой связи о возможном применении колониальных практик в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе. Созданный мною теоретический аппарат позволяет отнести Китай к империи. Реминисценция империи позволяет властям имплементацию дисциплинарных практик своего управления по отношению, с чем по итогам этого эссе можно согласится, внутренней колонией. КПК смело включает биополитическое вмешательство. В этом эссе была проанализирована политика по отношению к СУАР, в особенности её социально-культурный аспект. Партийно-государственная концептуализация Китая постепенно перешла от номинального культурного плюрализма (с 56 民族, этническими группами) к культурному национализму (中华民族, китайская нация). На сегодняшний момент проблема СУАР остаётся нерешенной, в регионе наращиваются прецеденты нарушения прав человека, «не ханьские» границы остаются культурными и политическими проблемами для Китая.

³⁷ Хасанов Р. Китайская переделка // Новая Газета, 16.04.2020. URL:

<https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/16/84935-kitayskaya-peredelka> (дата обращения: 08.01.2022)

³⁸ Veracini L. Understanding Colonialism and Settler Colonialism as Distinct Formations // *Interventions: International Journal of Postcolonial Studies*, 2014, №16(5). P. 623

³⁹ Tobin D. Op. cit. Pp. 114 – 115

Библиография

1. Ливен Д. Империя, история и мировой порядок / Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. Мифы и заблуждения в изучении национализма. М.: Новое издательство, 2010. – С. 283 – 324
2. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М.: КДУ, 2005. — 320 с.
3. Митчелл Д. Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 592 с.
4. Уолцер М. О терпимости. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. — 160 с.
5. Хасанов Р. Китайская переделка // Новая Газета, 16.04.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/16/84935-kitayskaya-peredelka>
6. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Verso, 2006. — 255 p.
7. Bovingdon D. The Uyghurs: strangers in their own land. Columbia University Press, 2010. — 296 p.
8. Brubaker R. Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism / Hall J. The State of the Nation. Cambridge University Press, 1998. — Pp. 272 – 306
9. Castells M. The Power of Identity. Blackwell Publishing, 2010. — 583 p.
10. Roberts S.R. The War on the Uyghurs: China’s Internal Campaign against a Muslim Minority. Princeton University Press, 2020. — 296 p.
11. Tobin D. Securing China’s northwest frontier: identity and insecurity in Xinjiang. Cambridge University Press, 2020. — 296 p.
12. Anand D. Colonization with Chinese characteristics: politics of (in)security in Xinjiang and Tibet // Central Asian Survey, №38(1), 2018. — Pp. 129 – 147
13. Ruser N. Cultural erasure: Tracing the destruction of Uyghur and Islamic spaces in Xinjiang // ASPI, Report №38, 2020.
14. Ruser N. Documenting Xinjiang’s detention system // ASPI, 2020.
15. Veracini L. Understanding Colonialism and Settler Colonialism as Distinct Formations // Interventions: International Journal of Postcolonial Studies, №16(5), 2014. — Pp. 615 – 633
16. Zenz A. Thoroughly reforming them towards a healthy heart attitude’: China’s political re-education campaign in Xinjiang // Central Asian Survey, 2019, №38 (1). — Pp. 1 – 27
17. Byler D. The ‘patriotism’ of not speaking Uyghur // SupChina, 02.01.2019. URL: <https://supchina.com/2019/01/02/the-patriotism-of-not-speaking-uyghur/>
18. China bans Muslims from fasting Ramadan in Xinjiang // Aljazeera, 18.06.2015. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2015/06/18/china-bans-muslims-from-fasting-ramadan-in-xinjiang/>
19. China Bans Officials, State Employees, Children from Mosques // Radio Free Asia, 06.02.2006. URL: https://www.rfa.org/english/uyghur/uyghur_religion-20060206.html
20. Hernández J. C. China Bans ‘Muhammad’ and ‘Jihad’ as Baby Names in Heavily Muslim Region // The New York Times, 25.04.2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/25/world/asia/china-xinjiang-ban-muslim-names-muhammad-jihad.html>
21. Smith S. China Bans Veils and 'Abnormal' Beards in Western Province of Xinjiang // NBC News, 01.04.2017. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/china-bans-veils-abnormal-beards-western-province-xinjiang-n741501>